

DOI: 10.55105/2500-2872-2022-4-90-107

Почитание предков в современной Японии

И.В. Авдюшенкова

Аннотация. В настоящей статье рассматривается трансформация почитания предков в контексте социально-политических и религиозных условий, а также выявляются особенности почитания в современном японском обществе, изменения формы практик и функций почитания, происходящие в наши дни.

Культ предков в той или иной форме – явление, присущее не только традиционным обществам: в Японии XXI в. обряды, связанные с почитанием предков, практикуются большей частью населения. После Второй мировой войны японские практики почитания претерпели значительные изменения. Важнейшую роль в этих изменениях сыграли послевоенная модернизация и урбанизация японского общества, повлекшие за собой разложение традиционной системы семьи. Изменяется сама концепция предка: понятие предка стремится к расширению и начинает распространяться билатерально (как на линию мужа, так и на линию жены). Происходит переход от «обязательного» концепта предка, включающего всех умерших предков по прямой линии наследования вне зависимости от личных предпочтений, к «опциональному», то есть ограничивающему понятие «предок» близкими родственниками, воспоминания о которых дороги потомку. С изменением концепции предка функции почитания предков также подвергаются трансформации: прежние функции ритуалов почитания способствовали стабильности семейной системы, тогда как новые заключаются в снятии психологической напряжённости в отношениях между живыми и умершими и принесении утешения конкретным людям. Происходит «приватизация» почитания предков, то есть растущее доминирование личных функций в почитании. Диверсификация типов семьи, особенно выразительно проявившаяся в первые десятилетия XXI в., также нашла своё отражение в обрядах почитания предков: появляются альтернативы традиционным похоронам, а также новые формы погребения и хранения останков.

В статье делается вывод о том, что, несмотря на изменения функций и форм почитания предков, место, которое отводят для умерших в своей жизни живые, остаётся неизменно важным. А индивидуализация практик почитания и неугасающая вера большей части японского населения в силу духов предков говорит о том, что культ предков в современной Японии находится, по всей видимости, на очередной стадии своего развёртывания, но отнюдь не угасания.

Ключевые слова: современная Япония, японское общество, культ предков, почитание предков, похороны, поминовение.

Автор: Авдюшенкова Ирина Валерьевна, аспирант Школы языков и культуры Осакинского университета, лаборант-исследователь Центра японских исследований, Институт востоковедения РАН (адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12). E-mail: irina.lirani@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Авдюшенкова И.В. Почитание предков в современной Японии // Японские исследования. 2022. № 4. С. 90–107. DOI: 10.55105/2500-2872-2022-4-90-107

Ancestor worship in contemporary Japan

I.V. Avdiushenkova

Abstract. This article examines the transformation of ancestor worship in the context of socio-political and religious conditions and identifies the characteristics of worship in contemporary Japanese society and the changes in the form of practices and functions of this worship occurring today.

Ancestor worship is not a phenomenon unique to traditional societies: in 21st century Japan, ancestor worship rituals are practiced by a large part of the population. After World War II, Japanese veneration practices underwent significant changes. The post-war modernization and urbanization of Japanese society played a major role in these changes, leading to the breakdown of the traditional family system. The concept of ancestor itself changes: the concept of ancestor tends to expand and begins to extend bilaterally (to both the husband and wife lines). There has been a transition from the “obligatory” concept of an ancestor, which includes all deceased ancestors in the direct line of succession regardless of personal preferences, to an “optional” one, which limits the concept of “ancestor” to close relatives whose memories are dear to the descendant. With the change in the concept of the ancestor, the functions of ancestor veneration also undergo a transformation: the former functions of veneration rituals contributed to the stability of the *ie* system, while the new ones consist in relieving psychological tensions between the living and the dead and bringing comfort to particular people. There has been a “privatization” of ancestor veneration, that is, a growing dominance of personal functions in veneration. Diversification of family types, especially pronounced in the first decades of the 21st century, is also reflected in the rites of ancestor veneration: alternatives to traditional funerals and new forms of burial and storage of remains are appearing.

The article concludes that, despite changes in the functions and forms of ancestor worship, the place given to the dead in their lives by the living remains invariably important. And the individualization of veneration practices and the undying belief of a large part of the Japanese population in the power of ancestor spirits indicate that the ancestor cult in contemporary Japan is apparently at the next stage of its unfolding, but by no means of extinction.

Keywords: contemporary Japan, Japanese society, ancestor worship, ancestor veneration, funerals, commemoration, death studies.

Author: Avdiushenkova Irina V., graduate student at the School of Languages and Culture, Osaka University; research assistant at the Center for Japanese Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (address: 12 Rozhdestvenka Street, Moscow, 107031). E-mail: irina.lirani@gmail.com

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Avdiushenkova I.V. (2022). Pochitaniye predkov v sovremennoy Yaponii [Ancestor worship in contemporary Japan]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2022, 4, 90–107. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2022-4-90-107

Введение

Культ предков – универсальное явление культуры, присущее отнюдь не только лишь традиционным обществам. Мы можем видеть, что ритуалы и обряды, связанные с культом предков, практикуются современными людьми разных социальных слоев, уровня образования, достатка. Это свидетельствует о глубокой укоренённости экзистенциальной и религиозной потребности в подобных практиках. В Японии же этот феномен духовной жизни имеет сложную структуру: практики и верования, связанные с отношениями между

живыми и мёртвыми, существовали здесь ещё до прихода буддизма, и, претерпевая определённые трансформации, не потеряли своей значимости и по сей день.

В настоящее время мы имеем возможность наблюдать за видоизменением ритуалов японского почитания предков, обусловленной социальными изменениями в Японии. Новое общество даёт нам возможность максимально индивидуализировать наши отношения с умершими близкими, подстроить их под свои потребности. Исследуя ритуал почитания предков как способ организации общественного бытия, как одно из условий жизнестойкости общества, мы приближаем себя к пониманию социальной природы человека. Отсюда возникает потребность в комплексном исследовании почитания предков в современном японском обществе, выявлении его сущности и форм проявления.

Культ предков как явление

Культ предков можно обнаружить везде, где в той или иной форме сохранились первобытная или традиционная культура и верования. Наиболее явно связанная с этим культом обрядовая практика наблюдается среди ряда традиционных социумов Азии, Африки, Северной и Южной Америки, Океании и Австралии. Согласно толкованию, представленному в Оксфордской «Энциклопедии религий», культ предков представляет собой обряды и верования, объектом которых являются умершие родственники практикующих эти обряды [Hardacre, p. 320]. В узком смысле культ предков представляет из себя конкретные действия, которые выполняются во время обрядов, связанных с умилоствлением умерших родственников и/или исполнением их потребностей.

Следует особо указать на то, что группа «умершие», «мёртвые» значительно шире группы «предки», и несмотря на то, что разделение между ними не всегда бывает очень строгим, к обрядам культа предков обычно не относят обряды по умершим, не являющимся родственниками, а также верования в умерших вообще, без особых указаний на родство.

Культ предков тесно связан с космологией и мировоззрением практикующего сообщества. В рамках этого сообщества он также играет определяющую роль в вопросах правопреемственности и наследования этого сообщества. Важно отметить, что культ предков не считается религией как таковой. Часто он практикуется наряду с другими религиозными обрядами, нередко существуя в качестве одного из элементов религиозной системы. Формальная доктрина, религиозная концепция в культе предков как правило отсутствует; используемые в некоторых практиках тексты обычно представляют собой литургические руководства. В обрядах за редким исключением не принимают участие священнослужители, не принадлежащие к родственной группе. Попытки вовлечь в культ людей извне также не наблюдаются, практики ограничены этнической группой [Hardacre, p. 321–322].

Среди учёных существуют различные мнения о целесообразности использования того или иного термина для обозначения практик культа предков. В настоящей же работе будет использоваться словосочетание «культ предков» как устоявшийся в русском языке перевод английского термина *ancestor worship* для обозначения явления в целом, и «почитание предков» для его японского проявления.

Южнокорейский антрополог Чхун Соп Бэ, исследователь культа предков в странах Азии и Африки, даёт следующее краткое определение понятию «предок»: это «умерший, имеющий влияние на своих живых потомков». Более подробное определение таково: «это

трансцендентные существа, представляющие религиозные, этические и институциональные ценности своего сообщества. Их местопребывание и влияние находится в пределах (может варьироваться) физического и спиритуального миров» [Choon Sup Bae, p. 23].

Как уже обозначено, слова «предок» и «умерший» не могут считаться синонимами. Для того, чтобы почитаться в качестве предка, умерший должен иметь определённые особенности и статус в системе родства. В зависимости от культуры, в которой практикуется культ, эти особенности разнятся. Так, в Японии, для того чтобы считаться предком, дух умершего должен пройти несколько этапов для достижения этого состояния. У некоторых других народов можно встретить обратное: спустя много лет после смерти (около 4–5 поколений) духи умерших становятся «безымянными духами» и теряют статус предка.

Точно ответить на вопрос, когда и как возникло японское почитание предков, не представляется возможным. Ряд учёных настаивает, что культ предков был заимствован японцами из Китая, другие убеждены, что в его основе лежат исконные верования и, следовательно, ритуалы почитания предков практиковались задолго до проникновения на архипелаг буддизма и конфуцианства. Так или иначе, с некоторой долей определённости мы можем сказать лишь то, что в протоисторический период в Японии, должно быть, существовал целый ряд верований и практик, связанных с отношениями между живыми и умершими.

Общество раннеисторической Японии, по всей видимости, состояло из многочисленных кровнородственных единиц, называемых *удзи* (яп. 氏), в которых почитались божества-покровители этих групп – *удзи-гами* (яп. 氏神). Кажется вероятным, что каждый *удзи* в ранней Японии имел свой собственный культ предков и миф, с ним связанный; только с проявлением гегемонии правящего рода Ямато эти разрозненные культы объединились в единую систему. В результате подъёма *удзи* правящего рода его родовое божество Аматаэрасу стала главным божеством всего пантеона.

Некоторые эпиграфические памятники курганного периода Кофун также могут свидетельствовать о развитом культе предков. Так, к примеру, один из них – меч из Инарияма (конец V-го или первая половина VI-го в. н.э.), на котором перечислены восемь поколений предков некоего Вовакэ-но Оми, служившего главой меченосцев [История Японии, с. 25].

Какой бы ни была ранняя форма японского почитания предков, ясно, что колоссальное влияние на неё оказал буддизм, получивший своё начальное распространение в Японии в VI в. К моменту обращения японцев к буддизму последний уже включил в себя конфуцианский принцип сыновней почтительности и ритуалы, связанные с почитанием предков. Введение семейного алтаря – *буцудан* – также происходит под буддийским влиянием: в 685 г. государь Тэмму издаёт указ о том, что «Во всех провинциях и во всех домах надлежит построить храм Будды, поместить туда статую Будды и сутры, совершать моления и приношения» [Нихон Сёки, т. 2, с. 257].

В «Нихон сёки» же мы находим и немало других свидетельств важности проведения ритуалов по усопшим: так, ещё в 606 г. государыня Суйко повелевает соблюдать обряды праздника, посвящённого поминовению душ усопших, во всех храмах Японии: «В этом году впервые во всех буддийских храмах были устроены молитвенные собрания с вкушением постной пищи 8-го дня 4-й луны и 15-го дня 7-й луны» [Нихон Сёки, т. 2, с. 98] – это первое

свидетельство о ритуале Бон. Концепция праздника выстроена на сутре «Урабон-кё:», первое упоминание о которой относится к 659 г., временам правления государыни Саймэй: «15-й день [7-й луны]. Сановникам было дано повеление, чтобы в столичных храмах Будды читалась сутра «Урабонкё:», дабы отблагодарить семь поколений предков» [Нихон Сёки, т. 2, с. 183].

Буддизм и почитание предков были неразрывно связаны в течение тысячи лет. Ситуация стала меняться, когда в период сёгуната Токугава каждая семья в Японии вынуждена была установить формальные связи с конкретным буддийским храмом. В этот период решающую роль политических мер в развитии почитания предков играет внедрение системы *тэраукэ сэйдо* (яп. 寺請制度, от *тэраукэ*, храмового удостоверения, которое должен был получить каждый японец, что доказывало, что он принадлежит к школе, чьё учение не было недозволенным). Начало изменениям в почитании предков положила политика изоляции и христианские гонения первой половины XVII в. Для того, чтобы гарантировать, что никто из японцев не обращён в христианство, правительство требовало, чтобы каждый двор был приписан к определённому буддийскому храму в качестве его прихожанина. В ранних религиозных реестрах Токугава не все члены семьи обязаны были принадлежать к одному храму или даже к одной и той же буддийской школе; только спустя время вся семья как единица стала выступать в качестве прихожанина храма. Административные ограничения Токугава создали связь между семьёй (двором) и храмом, аннулируя более раннюю связь: храма и конкретного человека.

До введения *тэраукэ сэйдо* ритуалы почитания предков проводились самой семьёй, без участия буддийских священников. Теперь же ни похороны, ни поминальные службы не могли проводиться без бонз. Правительство также возложило на них контролирующую функцию: теперь буддийские священники ещё и следили за тем, с каким усердием простые люди проводят не только панихиды, но и праздник поминовения усопших Бон, обряды весеннего и осеннего равноденствия. Для прихожан храм стал, прежде всего, местом, где почитали предков, а священник местного храма – главным проводящим обряды почитания предков. Проведение этих обрядов стало чуть ли не основным источником доходов буддийского духовенства и остаётся им и по сей день.

В эпоху Мэйдзи почитание предков тесно связано с политической идеологией того времени, в первую очередь – концепции *кокутай* (яп. 国体). Идеологической базой концепции была семейная система, в центре которой – повиновение родителям и сыновняя почтительность. Чувство долга перед своей семьёй и предками было расширено до масштаба целой нации. Сыновняя почтительность и преданность императору были объединены в одну неразделимую сущность. С 1903 г. мэйдзийское Министерство образования полностью берёт на себя составление, издание и распространение учебных пособий для начальных школ. В народное образование вводится лозунг «Почитай своих предков!» (яп. 祖先を尊べ, *сосэн-о таттобэ*), а в школьных учебниках по этике появляются специальные разделы, посвящённые этой теме [Мориока 1990, с. 63]. Американский антрополог Роберт Смит, автор фундаментального труда «Почитание предков в современной Японии» (1974), цитирует фрагмент учебника по истории, используемого до 1920 г., в котором школьникам объясняется суть взаимоотношений между императором и подданными: «Аматэрасу-оомиками является предком не только императорского рода, но и всех японцев. Если мы

начнём выяснять нашу родословную, то большая часть [из нас] окажется потомками императорского рода. <...> Наши отношения с императорским родом основаны на отдаче долга в виде благодарности нашим предкам» [Smith, p. 31–32].

Мэйдзийское правительство, утвердившее синто в качестве национальной религии, в ходе борьбы с буддизмом предприняло попытки заменить буддийские похороны и кремацию синтоистским обрядом. Тем не менее, среди народа синтоистские похороны не получили признания: большинство японцев того времени продолжало провожать и хоронить своих близких в рамках буддийской традиции [Симада, с. 81–84].

В 1898 г. вступил в силу Гражданский кодекс Мэйдзи. Правительство постаралось определить отношения внутри семейного права таким образом, чтобы они максимально отражали патриархальные отношения в самом государстве, этой «макросемьи» с императором-«отцом» во главе. Основой семейного права была концепция семейной системы *иэ сэйдо* (яп. 家制度). Власть главы семьи вместе с семейным имуществом наследует старший сын (статья 970). Кодексом также оговаривается право наследования главой семьи записей о происхождении рода, мест погребения членов семьи (статья 987) [The Civil Code of Japan, p. 262]. Семья, согласно Гражданскому кодексу, была задумана как единое целое, минимальная социальная ячейка, и её члены должны были жертвовать личными желаниями и соглашаться со всеми решениями главы семьи.

Положение дел изменилось только после Второй мировой войны. Новый Гражданский кодекс 1947 г. в качестве социальной единицы рассматривал уже не семью, а отдельную личность. Упразднение семейной системы повлекло за собой изменения в отпращивании ритуалов почитания предков.

Концепция предка в традиционной системе семьи *иэ*

Один из ведущих отечественных исследователей японской древности Л.М. Ермакова отмечает, что как само понятие предка, так и формы их почитания оказываются зависимы *«от соотношения локальных культов и буддийских верований в данное время и в данном месте, от принятой “здесь и теперь” системы родства, от структуры семьи и многого другого»* [Ермакова, с. 44]. Мы рассмотрим почитание предков в контексте традиционной системы семьи *иэ*.

В русском языке отсутствует полноценный эквивалент термину «*иэ*» (яп. 家); в отечественном японоведении его обычно переводят как «дом», «семья». Японский социолог Мориока характеризует *иэ* как социальный институт, не прерывающийся по мужской линии на протяжении многих поколений [Morioka 1984, p. 202]. Непрерывность следует считать одним из главных качеств *иэ*. Также стоит отметить, что *иэ* включает всех членов семьи: и предков, которые уже умерли, но ещё не забыты, и даже ещё не родившихся потомков. Средние и младшие сыновья, взрослея и создавая собственные семьи, выходят из системы *иэ*, становясь главами боковых ветвей семьи (яп. 分家, *бункэ*).

Что касается того, кто в традиционной Японии мог почитаться в качестве предка, то, согласно словарю фольклора «Миндзокугаку дзитэн» (яп. 民俗学辞典), в контексте системы *иэ* понятие «предок» (яп. 先祖, *сэндзо*) обозначает одного конкретного духа умершего или группу духов умерших, связанных со своими потомками прямой линией родства; это

понятие зиждется на связи родителей и детей, которая в свою очередь основана на кровном родстве или усыновлении [Токумару, с. 508].

Итак, в системе традиционной патриархальной семьи (яп. 家父長制, *кафутё:сэй*), в которой старший сын пользуется привилегиями в наследовании (майоратное право), предками считаются духи умерших глав семьи в каждом поколении и их супруги. В нуклеарных семьях понятие стремится к расширению и распространяется билатерально как на линию мужа, так и на линию жены. Мориока, разграничивая понятия предка и просто умершего, отмечает, что «каждый предок является умершим, но не каждый умерший – предком» [Мориока 1990, с. 67]. По предку проводят поминальные службы (яп. 供養, *куё:*) его потомки. Посредством этих служб умерший становится предком. Следовательно, если у умершего нет потомков, которые могут проводить по нему поминальные службы, он не сможет стать предком [Мориока 1990, с. 67].

Умерший, что не может стать предком из-за отсутствия потомков, которые будут проводить по нему заупокойные службы, становится *муэнботокэ* 無縁仏 (от 無縁, *муэн* – «не имеющей родственников, брошенный»). Согласно японским народным верованиям, *муэнботокэ* являются причиной бедствий, несчастий, болезней. В случае смерти родственника члены его семьи стараются обеспечить проведение поминальных обрядов, заупокойных служб в том числе из-за боязни этих несчастий. Мориока рассказывает о массовом появлении *муэнботокэ* в период Сэнгоку, когда во время сражений и другими видами насильственных смертей погибало множество людей. Нередко бывало, что у этих убитых не было родных, которые могли бы провести по ним заупокойную службу, из-за чего появлялось бесчисленное количество *муэнботокэ* [Мориока 1990, с. 67]. Страх перед *муэнботокэ* основан на вере в *митама*, или *го-рё:* 御霊, согласно которой эпидемии и стихийные бедствия являются проклятием, посланным душами врагов или людей, умерших «плохой» смертью; для того, чтобы избежать этих несчастий, необходимо усмирить, успокоить эти души. Для усмирения, успокоения *го-рё:* по ним необходимо провести заупокойную службу.

Среди исследователей японского почитания предков существует немало разногласий насчёт того, какие именно обряды следует к нему относить. Так, «Минзокугаку дзитэн» перечисляет следующие обряды (по [Токумару, с. 509]):

- похороны конкретного умершего члена семьи;
- поминальные службы по конкретному умершему члену семьи;
- очищение от ритуальной нечистоты смерти и прочие обряды очищения;
- заупокойные службы по духам умерших (死者供養, *сися куё:*);
- обряды, цель которых – помочь духу умершего слиться с сонмом духов предков;
- ежегодные празднества почитания предков, такие, как Бон, Хиган;
- почитание родовых божеств в качестве предков;
- почитание божеств дома (яп. 屋敷神, *ясикигами*), леса (яп. 森神, *моригами*) и т.д. (вопрос, действительно ли можно причислить божеств дома, леса, родовых божеств к духам предков, остаётся спорным);
- почитание конкретного предка из-за боязни его гнева с целью его (предка) утешения, успокоения.

Мориока же отказывается включать заупокойные службы (яп. 供養, *куё:*) по конкретному умершему в число этих обрядов [Мориока 1990, с. 66]. Л.М. Ермакова по этому поводу пишет следующее: «В сущности, к культу предков или его следам могут быть отнесены самые разные культурные проявления – от похоронного обряда, до, в предельном случае, выполнения завещательных распоряжений или даже культурной преемственности» [Ермакова, с. 43].

Мы же в данной статье рассмотрим следующие обряды: 1) поминальные службы по конкретному умершему; 2) ежедневные обряды для группы предков; 3) ежегодные празднества почитания [всех] предков.

Покойный не получает статус предка сразу после смерти, этот процесс включает в себя три этапа: от духа умершего (яп. 死霊, *сирэй*) до непосредственно того, что называют духом предка (яп. 祖霊, *сорэй*). Роберт Смит так описывал эти этапы:

1. Первые 49 дней после смерти покойного считаются периодом неопределённости для умершего. В эти дни *ихай*, мемориальная табличка с именем покойного, помещается отдельно в передней части *буцудана*.

2. На 49-й день табличка переносится внутрь *буцудана*, к остальным *ихай*. Как только это происходит, душа, как считается, переходит на следующий этап и может считаться *ниисэднзо* (яп. 新先祖), т.е. новым предком. На этой стадии дух может оставаться на протяжении многих лет (чаще всего до 33-х или до 50-ти), пока не достигнет финальной стадии.

3. В 33-ю или 50-ю годовщину смерти (яп. 弔い上げ, *томураиагэ*) дух теряет свою индивидуальность и присоединяется к надындивидуальной, коллективной группе предков предыдущих поколений. Дух становится полноценным *сорэй* (духом предка) и в дальнейшем не претерпевает никаких изменений. На этом этапе индивидуальная табличка убирается из алтаря и перемещается внутри *буцудана* к табличкам, символизирующим безымянную группу предков семьи различных поколений [Smith, p. 40–41].

Отличие обрядов, объектом которых является группа умерших предков, от заупокойных служб (яп. 法事, *хо:дзи*) по конкретному умершему заключаются в том, что первые обычно проводятся ежедневно, при этом предки не рассматриваются как отдельные личности. Ежедневные обряды считаются внутренними, семейными обрядами, и для их проведения не нужно участие буддийского монаха. Эти ритуалы, а также совершение подношений, выставляемых на *буцудане*, обычно проводятся по утрам и вечерам, но в некоторых семьях они совершаются только раз в день. Обычно ритуалы совершаются перед тем, как семья сядет за стол. Зажигаются благовония, на *буцудан* ставятся подношения в виде риса, а также чая и воды. Частью этих ежедневных ритуалов являются молитвы, разговоры с предками, отчёты им о текущих делах семьи. Наиболее распространённой формой участия в ритуале является короткий формальный поклон головы со сложенными перед собой ладонями. Для обращения к предкам любой член семьи в любое время дня может использовать *буцудан*.

Основными календарными празднествами, теснейшим образом связанными с культом предков, в Японии являются о-Бон, Новый год и праздник *хиган*, проводимый дважды в год в дни весеннего и осеннего равноденствия.

О-Бон (яп. お盆). Бон в современной Японии является одним из важнейших буддийских праздников. В большинстве регионов он отмечается 13–15 августа, то есть примерно в середине седьмого месяца по лунному календарю. Исследователями японский религий нередко отмечается двойственный характер празднества. Его можно объяснить наложением буддийских традиций на некие архаические обряды, исполнявшиеся на Островах в добуддийской Японии и, по-видимому, имевшие целью ритуальную коммуникацию с предками. Буддийский же аспект этого праздника включает несколько идеологем, в том числе, он опирается на предание о том, как послушник Мокурэн с помощью приношений спас свою мать из ада.

В современной Японии Бон не утратил свою важность: он и сейчас является главным праздником, связанным с почитанием предков. Л.М. Ермакова называет его центральным обрядом не только в сфере культа предков, но и, может быть, вообще одним из центральных культуuroобразующих обрядов современной Японии [Ермакова, с. 48]. На время праздника предки из загробного мира возвращаются в дома своих потомков. Считается, что в это время они просто находятся среди семьи так же, как это было ещё при их жизни. Эти дни дают возможность членам семьи почувствовать духовную связь с предками и друг с другом.

Новый год (яп. お正月, *о-сё:гацу*). В современной Японии Новый год не воспринимается как праздник, связанный с почитанием предков. Тем не менее, ряд исследователей считают, что в добуддийской Японии Новый год и летний фестиваль духов предков (на который в последствии наложился Бон) были тесно связаны. Первым эту идею высказал родоначальник японской этнографии Янагита Кунио. Он утверждал, что эти праздники, летний и новогодний, ровно на шесть месяцев отстоя друг от друга, являли собой один цикл, и оба посвящены были встрече духов предков, возвращающихся в мир живых [Smith, p. 18–19].

Хиган (яп. 彼岸). Обряды *хиган*, проводимые в течение недели, включающей в себя день весеннего (яп. 春分の日, *сюмбун-но хи*) и осеннего равноденствия (яп. 秋分の日, *сю:бун-но хи*), полностью сосредоточены на почитании предков. Название «хиган», означающее «другой берег», отсылает к буддийским представлениям о том, что наш мир и мир загробный разделены рекой, наполненной страданиями и иллюзиями, и только тот, кто сможет их побороть, сможет перебраться на тот берег. В дни праздников *хиган* в современной Японии принято приводить в порядок могилы, украшать их цветами, оставлять на них подношения в виде еды, возжигать благовония, читать сутры.

Система *иэ*, как и другие социальные институты, постепенно менялась в течение столетия, следовавшего за реставрацией Мэйдзи. Реформы, происходившие после Второй мировой войны и во многом инициированные оккупационным правительством, наиболее примечательны: в первое же послевоенное десятилетие система *иэ* претерпела большие изменения, чем за предшествующий век. Перемены семейной системы повлекли за собой сдвиги и в практике почитания предков.

В 1947 г. вступает в силу новая Конституция Японии. Её 14-я статья утверждает равенство всех людей перед законом, запрещая любую дискриминацию «в политическом, социальном и экономическом отношении вне зависимости от расы, вероисповедания, пола, социального статуса и происхождения». Опирающийся на Конституцию 1947 г. пересмотренный Гражданский кодекс в качестве основы рассматривает не *иэ*, а личность.

Теперь для вступления в брак не требуется разрешения главы семейства (см. статью 731 Гражданского кодекса). Имущество, нажитое в браке, принадлежит каждому из партнёров, а не только мужу (статья 762, раздел 1), муж больше не распоряжается собственностью жены. Признанного законом понятия авторитета главы *иэ* больше не существует. Имущество семьи больше не наследуется исключительно старшим сыном: равные права на него имеют все дети в семье (статья 900, пункт 4).

Послевоенная Конституция и изменения в Гражданском кодексе наряду с процессами модернизации и урбанизации японского общества сыграли свою роль в разложении традиционной японской семьи. Уже к началу 1960-х гг. доля тех, кто выступал за равное деление родительской собственности между детьми, достигла 50 %, и лишь незначительное меньшинство продолжало настаивать на необходимости передачи всего имущества будущему главе *иэ*. Более половины опрошенных не считают необходимым усыновление ребенка при неимении собственного для продолжения рода. Идея обязательной непрерывности *иэ* становится всё менее популярной [Morioka 1984, p. 204].

После войны для Японии стали нормой нуклеарные семьи. Нуклеарная семья – семья, состоящая из супругов и детей либо только из супругов, причём на первый план в таких семьях выходят отношения между супругами, а не родителями и детьми. Как мы видим, такой тип семьи противопоставляется традиционной японской расширенной семье, *иэ*, где важнейшее место занимал вопрос преемственности поколений. Мориока отмечает, что в послевоенной Японии даже те семьи, которые состоят из нескольких поколений супругов (к примеру, если три поколения живут вместе), больше похожи на живущие под одной крышей две нуклеарные семьи, каждая из которых ведёт своё отдельное хозяйство [Morioka 1984, p. 205].

Резкие изменения в системе *иэ*, которые можно назвать фактически распадом традиционной семьи, естественным образом обескровили и почитание предков. Тем не менее, исследования общественного мнения, проводившиеся в 1960-е и 1980-е гг., показали, что снижение вовлечённости в обряды почитания предков куда меньше, чем предполагали учёные, занимавшиеся этой проблемой: с 77 % в 1953 г. до 72 % в 1978 г. [Morioka 1984, p. 205]. Возможно, всё дело в изменении самой концепции слово «предок»: в первые послевоенные десятилетия возникло новое понимание того, кто является предком, свободное от давления системы *иэ*.

Как было упомянуто ранее, в системе традиционной патриархальной семьи предками считаются духи умерших глав семьи в каждом поколении и их супруги. Далее мы увидим, что в нуклеарных семьях, которые стали преобладать в послевоенной Японии, понятие предка стремится к расширению и распространяется билатерально: как на линию мужа, так и на линию жены.

В 1970-е и 1980-е гг. Сё:дзи Ёнэмура и Роберт Дж. Смит проводили масштабные полевые исследования, касающиеся проблемы почитания предков. Данные, полученные Ёнэмура в 1974–1975 гг. в префектуре Окаяма, свидетельствуют о том, что более 70 % респондентов придерживаются традиционного толкования понятия «предок»: для них это основатель рода, тот, кто возглавлял семью с момента её основания, предок основной ветви семьи. Тем не менее, для оставшихся 30 % предки – это либо все умершие, принадлежащие к их семье, либо все умершие, память о которых сохранилась благодаря *буцудану*, либо

умершие родители и т.д. Для этих 30 % опрошенных кровная близость была важнее линейного принципа наследования [Morioka 1984, p. 205].

В 1963 г. Р. Смит исследовал *ихай*, мемориальные таблички с именами покойных, в Токио, Киото и Осаке, а также в семьях, живущих в сельской местности в префектурах Иватэ, Миэ и Кагава. Согласно его исследованиям, 93 % *ихай* содержали имена предков основной линии семьи (со стороны мужа), в то время как табличек с именами предков вне основной семейной линии, включая родственников со стороны жены, насчитывалось в среднем 6 % от общего числа. Поскольку процент табличек, относящихся не к основной семейной линии, в городах был выше, чем в сельской местности, Смит пришёл к выводу, что присутствие табличек с именами умерших вне основной семейной линии является новейшей тенденцией и обслуживает культ предков, в центре которого стоит современная семья, а не *иэ* [Smith, p. 152–186].

Мориока объясняет произошедшие изменения переходом от «обязательного» концепта предка, включающего всех умерших предков по прямой линии наследования вне зависимости от личных предпочтений, к «опциональному», то есть ограничивающему понятие «предок» близкими родственниками, воспоминания о которых дороги потомку [Morioka 1984, p. 206].

С изменением концепции предка функции почитания предков также претерпевают значительные изменения. Изначальные функции культа в первую очередь социальные: к ним можно отнести легитимацию социального статуса (церемониальное внимание по отношению к предкам служит доказательством того, что нынешний глава семьи законно унаследовал социальный статус у своих предков) или усиление мотивации к продолжению рода. Прежние функции ритуалов почитания предков способствовали стабильности *иэ*, тогда как новые функции заключаются в снятии психологической напряжённости в отношениях между живыми и умершими через позитивные воспоминания и в принесении утешения конкретным людям.

Как мы помним, обряды почитания предков в пространстве дома обычно совершаются перед буддийским алтарём. Мориока приводит следующую статистику: согласно сравнительным исследованиям, проведённым в трёх регионах в 1956–1966 гг., процент семей, в которых сохранился *буцудан*, составлял 92 % в сельскохозяйственных сообществах в префектуре Ямагути, 69 % в деловом районе Токио и 43 % в районах Токио, где проживают семьи «белых воротничков». Независимо от того, где проживала семья, практически в 100 % расширенных семей *буцудан* по-прежнему был установлен. В нуклеарных же семьях в сельских районах *буцуданы* были у 80 %, в районах «белых воротничков» показатель не превышал 31 %. В 1967 г. Мориока проводил повторные исследования (на этот раз только в Токио), которые показали, что практически у 100 % расширенных семей дома был установлен *буцудан*. В домах, где проживали нуклеарные семьи, *буцудан* можно было увидеть почти в два раза реже [Morioka 1984, p. 207]. Самым низким процентом обладания *буцуданом* был в нуклеарных семьях наёмных работников. Поскольку количество подобных семей очевидно возросло в послевоенной Японии, процент семей, имеющих *буцудан*, снизился. К 1981 г., согласно опросу, проведённому газетой «Асахи», только в 63 % семей были установлены *буцуданы* [Morioka 1984, p. 208].

В 1964–1965 гг. проводилось ещё одно сравнительное исследование, в ходе которого ученикам старших классов начальной школы были заданы вопросы о том, совершаются ли

обряды почитания предков старшими членами их семей. Результаты были следующими: в нуклеарных семьях лишь в 26 % семей практиковались обряды почитания предков, при этом *буцудан* имелся у 48 % опрошенных семей; среди расширенных семей практикующих было 66 %, *буцудан* же имелся у 97 %. Согласно полученным данным, примерно 30 % семей, в которых есть *буцудан*, не практикуют обряды почитания предков, таким образом фактически пренебрегая своими *буцуданами* [Morioka 1984, p. 209]. Тем не менее, предупреждает Мориока, не стоит делать поспешных выводов: вполне возможно, что уровень практики остаётся примерно таким же, как и прежде, но в самой практике произошли изменения [Morioka 1984, p. 209]. Несмотря на то, что количество семей, проводящих традиционные обряды почитания (обряды *Бон* и *хиган*, ежедневные обряды для группы предков; поминальные службы по конкретному умершему), снизилось в послевоенные десятилетия, это не значит, что вместо них не практикуются другие, менее формальные, но основанные на личной привязанности.

Смит подтверждает эту догадку: «С ослаблением влияния институализированного буддизма семьям можно было уже не беспокоиться [о форме обрядов почитания] так сильно, как они это делали тогда, когда поклонение было формально предписано. Теперь семьи могут совершать почитание так, как сами считают нужным, в наиболее им подходящей и эффективной форме» [Smith, p. 113]. Происходит, если называть это термином, предложенным Мориока, «приватизация» почитания предков, что есть не что иное, как растущее доминирование личных функций в почитании.

Почитание предков в наши дни

Как было упомянуто выше, во второй половине XX в. в Японии на смену традиционной патрилинейной системе семьи пришла нуклеарная, т.е. семья из супругов с детьми, не состоящими в браке, либо только из супругов. До недавнего времени именно таких семей в Японии было большинство. Но в 2010 г. японские социологи объявили, что впервые в истории страны самым распространённым типом семей стали семьи, состоящие только из одного человека (яп. 単独世帯, *тандоку сэтай*) [Хэйсэй 22 нэн кокусэй тё:са, с. 30]. Следующая перепись населения подтвердила тенденцию к диверсификации типов семьи – к настоящему времени можно выделить четыре основных типа:

- семья, состоящая из одного человека – 34,6 % от общего количества семей;
- семьи, состоящие из супругов (одного поколения) с детьми (т.е. нуклеарные семьи) – 26,9 %;
- семьи, состоящие только из супругов (одного поколения) – 20,1 %;
- семьи, состоящие из одного родителя и ребенка/детей – 8,9 % [Хэйсэй 27 нэн кокусэй тё:са, с. 37].

При этом количество семей, состоящих из одного человека (это могут быть как вдовцы, так и разведённые или вовсе никогда не состоявшие в браке люди) увеличилось с 2000 г. на 7 %, а количество нуклеарных семей уменьшилось за этот же период на 5 %. Иноуэ Харуё, японский социолог, занимающаяся исследованиями в области социологии смерти, отмечает, что все эти изменения ведут к тому, что нуклеарные семьи в последние десятилетия постепенно теряют функцию единицы коллектива: фокус постепенно смещается с семьи на

конкретную личность [Иноуэ 2013, р. 123]. Этот переход не мог не отразиться и на обрядах, связанных с почитанием предков.

В последние десятилетия всё больше городских похорон проводятся по «укороченной» схеме: традиционные похоронные обряды игнорируются, обязательным остаётся только один – кремация. Иноуэ называет такие похороны «прямыми» (яп. 直葬, *тёкусю:*) [Иноуэ 2013, р. 124]. Существует множество интерпретаций «прямых похорон»: это могут быть похороны, на которые приглашены только самые близкие родственники и друзья покойного (часто не приглашают даже буддийского священника). Другие приравнивают прямые похороны к «семейным похоронам» (яп. *миссо:* 密葬, букв. «тайные похороны»), о которых даже официально не объявляется.

Сравним традиционное и современные похороны, для наглядности используя таблицу:

	Традиционная церемония	Современная церемония
Присутствующие	Семья и родственники; знакомые из общины; знакомые из компании	Семья; близкие друзья
Ритуальная единица	Коллектив семьи	Сам покойный
Церемония	Буддийская	Церемония в свободной форме, традиционные обряды сокращаются

Прежде, когда доминирование коллективного над личным было очевидным, присутствие на похоронах членов местной общины, руководства компании, в которой работал покойный, его многочисленных родственников было обязательным. Сейчас же японцы всё чаще отказываются приглашать на похороны тех, кто был плохо знаком с покойным и из-за того не может в полной мере ощутить утрату. На многих современных похоронах присутствуют только близкие покойному люди, потому что последний пожелал этого сам. Пришло время, когда люди могут не только жить, как им того хочется, «по-своему», но так же и умирать.

В ситуации, когда самым распространённым типом семьи является семья, состоящая из одного человека, становится очевидным, что традиционная форма погребения – помещение праха в семейную могилу – с её принципом наследуемости не соответствуют запросам современных японцев, и в ближайшие десятилетия многие из таких могил могут оказаться заброшенными и в дальнейшем демонтированы из-за отсутствия у покойных наследников.

Еще в 1990-е гг. в похоронной индустрии Японии возникло несколько новых форм погребения, призванных заместить традиционные могилы или хотя бы выступить с ними наравне в качестве одного из доступных вариантов захоронения. Самые популярные среди них – это развеивание праха (яп. 散骨, *санкоцу*), широко распространённое и в других странах, и такое явление, как *тэмото куё:* (яп. 手元供養, букв. «поминование под рукой, на месте»). Также в это же время среди так называемых природных трендов или эко-похорон наряду с развеиванием праха появляются погребения под деревьями (яп. 樹木葬, *дзюмокусю:*). Расскажем о последних двух типах чуть поподробнее.

Тэмото куё: Это такая форма погребения, при которой часть праха покойного отделяется и хранится близкими рядом с собой, дома, как бы «всегда рядом, под рукой» – отсюда и название практики. Сначала для хранения останков умерших дома использовались стандартные погребальные урны, такие же, что помещаются в традиционные семейные могилы, но уже в конце 1990-х гг. им на замену приходят урны специальные. К настоящему же времени существует множество форм хранения останков – от помещения их в красивые керамические сосуды до инкрустации подвесок и браслетов драгоценными камнями, изготовленными из праха.

Погребения под деревьями (яп. 樹木葬, *дзюмокусю*:). Основной характерной чертой погребений под деревьями является отсутствие могильного камня: вместо него в качестве маркера могилы используется дерево, которое высаживают над помещёнными в землю останками умершего. Ещё одна важная особенность такого типа погребений – это отсутствие необходимости в наследнике, потомке: в отличие от семейной могилы, погребения *дзюмокусю*: не требуют регулярного ухода, а «абонентскую плату» за место на таком кладбище в подавляющем большинстве случаев японцы, привыкшие заранее начинать приготовления к собственной смерти, вносят самостоятельно ещё при жизни. Также стоит отметить, что погребение под деревом в разы дешевле возведения традиционной семейной могилы, и определённый процент японцев, безусловно, выбирает этот способ по причине его доступности. Конечно, количество кладбищ, полностью или частично отведённых под погребение под деревьями, ещё крайне мало: разные исследователи называют цифры от 100 до 200 мест на 2016 г. Тем не менее, благодаря своей доступности и ряду других преимуществ, *дзюмокусю*:, наряду с другими новыми способами погребения, уже заявили о себе как о реальной альтернативе системе семейных могил в Японии [Авдюшенкова, с. 403–404].

Как было отмечено выше, в результате урбанизации и переезда молодого поколения в города увеличилось число семей, не имеющих дома буддийский алтарь – *буцуданов*. В прошлом такие алтари были у большинства семей, на них выставлялись мемориальные таблички *ихай*. Эти таблички могли символизировать как одного конкретного умершего члена семьи, так и супружескую пару или целое поколение умерших. В некоторых семьях, несмотря на отсутствие *буцудана*, хранились *ихай*. Это происходило из-за особого отношения к табличкам: считалось, что они являются вместилищем духа умершего. В современной же Японии, утверждает японский религиовед Судзуки Иваюми, функции *ихай* берут себя фотографии умерших [Suzuki, p. 141].

В довоенной Японии выставленные в домах фотографии ограничивались портретами уже почивших людей, на современных же фотографиях мы можем видеть как умерших, так и живых людей, которые могут быть как членами семьи, так и друзьями. Обычно люди выставляют дома фотографии только тех, кто им дорог. Таким образом, выставленные фото являются свидетельствами крепости внутрисемейных связей, отношений с родственниками и близкими друзьями. Изменения, происходящие с тем, какие фотографии выставляются, идут рука об руку с переменой пространства, в котором они находятся. Фотографии перемещаются со стен около *буцуданов* в обычное пространство дома.

Судзуки отмечает, что помимо фотографий тех, кого мы можем признать в качестве предка, часто выставляют фотографии прочих умерших родственников, таких, как тёти, дяди, двоюродные бабушки и дедушки. Что же касается мест, где были выставлены фотографии

умерших, то почти 24 % от общего количества фото находились вне «буддийского пространства», в таких местах, как: буфет, стенной шкаф или книжная полка или же просто висели на стене. Судзуки предполагает, что с теми умершими, чьи фото выставлены в этом «небуддийском» пространстве, живые, которые, собственно, и разместили фото, были близки эмоционально, а не просто состояли в родстве [Suzuki, p. 146–149].

Также представляет интерес то, что примерно 40 % фотографий умерших, размещённых вне «буддийского пространства», тоже делаются подношения, схожие с подношениями на *буцудане*. Основное различие между «буддийским» и «небуддийским» пространством заключается в ассортименте подносимых продуктов: в «небуддийском» пространстве он гораздо шире, и часто включает в себя любимые блюда покойных [Suzuki, p. 150].

Что касается «общения» живых с умершими, то, независимо от того, где расположена фотография, более 60 % респондентов Судзуки регулярно обращались к ним в своей повседневной жизни. При этом большая часть обращений были похожи на обычное общение, которое происходит между живыми людьми, как то: сообщения о событиях, происходящих в жизни, приветствия и прощания, обращение за советом. Эти действия показывают отношение живых к умершим: они общаются с ними так же, как если бы последние продолжали жить рядом с ними. Около четверти обращений составляют молитвы или просьбы, к примеру, о защите семьи от несчастий и болезней; также очень часто потомки обращаются с просьбой о помощи на экзамене. Мы видим, что этот тип обращений эквивалентен обращениям к божествам-покровителям, а фотография, равно как и *ихай*, выступает объектом, где это божество-покровитель обитает (яп. 依代, *ёрисиро*).

В магическую силу духов предков японцы действительно верят, и это подтверждается относительно недавними опросами общественного мнения, проводимыми по всей стране. Так, согласно данным опроса, проведённого в 2008 г. исследовательским бюро крупнейшей японской общественно-государственной телерадиокомпании NHK, на вопрос «Верите ли вы в силу духов предков» 47 % респондентов дали ответ «Верю» или «Скорее всего, верю» [Ниси, с. 71]. Удивительно, но среди тех, кто дал положительный ответ на этот вопрос, больше всего людей молодых и средней возрастной категории: так, к примеру, среди опрошенных женщин в возрасте от 30 до 39 лет в силу духов предков верит 71 %. Судя по этим данным, антропологам вряд ли стоит беспокоиться о том, что практики почитания предков в современной Японии находятся в стадии угасания.

Заключение

В настоящей статье была рассмотрена трансформация почитания предков в контексте социально-политических и религиозных условий, охарактеризованы основные обряды почитания предков в традиционной Японии, а также выявлены особенности почитания в современном японском обществе, изменения формы практик и функций почитания, происходящие в наши дни.

Култ предков в той или иной форме можно обнаружить повсеместно, и, как мы уже говорили, не только в традиционных обществах: так, в Японии XXI в. обряды, связанные с почитанием предков, практикуются большей частью населения. Основными условиями, позволяющими рассматривать умершего родственника в качестве предка, можно назвать

следующие: умерший, обладавший значительным статусом при жизни, должен иметь потомков, которые помнят о нём и почитают посредством определённых ритуалов.

Что касается непосредственно японского почитания предков, можно с определённой долей уверенности сказать, что ещё в протоисторический период в Японии существовал целый ряд верований и практик, связанных с отношениями между живыми и умершими. Колоссальное влияние на раннюю форму японского почитания предков оказал буддизм, получивший своё начальное распространение в Японии в VI в. Спустя тысячелетие, в эпоху Токугава, решающую роль в развитии почитания предков играет внедрение *тэраукэ сэйдо*, системы, при которой каждый двор в принудительном порядке приписывался к определённому буддийскому храму в качестве его прихожанина. Теперь никакие обряды, связанные с почитанием предков, не могли обходиться без участия буддийского священника. Следующие важные изменения в почитании произошли в эпоху Мэйдзи, когда культ предков был фактически соединён с культом императора, а лежащая в основе мэйдзийского семейного права концепция традиционной патриархальной семьи *иэ* возводит важность обрядов почитания предков до общегосударственного уровня. В эпохи Токугава и Мэйдзи получили окончательное оформление традиционные формы почитания предков, сформулирована сама концепция предка: в системе патриархальной семьи *иэ*, в которой старший сын пользуется привилегиями в наследовании, предками считаются духи умерших глав семьи в каждом поколении и их супруги.

После Второй мировой войны японские практики почитания претерпели значительные изменения. Важнейшую роль в этих изменениях сыграли послевоенная модернизация и урбанизация японского общества, повлекшие за собой разложение традиционной системы семьи. Изменяется сама концепция предка: понятие предка стремится к расширению и начинает распространяться билатерально (как на линию мужа, так и на линию жены). Происходит переход от «обязательного» концепта предка, включающего всех умерших предков по прямой линии наследования вне зависимости от личных предпочтений, к «опциональному», то есть ограничивающему понятие «предок» близкими родственниками, воспоминания о которых дороги потомку. С изменением концепции предка функции почитания предков также подвергаются трансформации: прежние функции ритуалов почитания способствовали стабильности *иэ*, тогда как новые заключаются в снятии психологической напряжённости в отношениях между живыми и умершими через приятные воспоминания и принесении утешения конкретным людям. Обряды почитания предков в современной Японии также претерпевают значительные изменения: предписанные буддийскими догматами обряды уступают место менее формальным, основанным на личной привязанности. Происходит «приватизация» почитания предков, то есть растущее доминирование личных функций в почитании. Диверсификация типов семьи, особенно выразительно проявившаяся в первые десятилетия XXI в., также нашла своё отражение в обрядах почитания предков: появляются альтернативы традиционным похоронам, а также новые формы погребения и хранения останков, наиболее ярким примером которых можно назвать погребения под деревьями (*дзюмокусю*.) и *тэмото куё*..

Из рассмотренного следует вывод, что, несмотря на изменения функций почитания предков, трансформацию форм погребения и обрядов памятования, место, которое отводят для умерших в своей жизни живые, остаётся неизменно важным. А индивидуализация практик почитания и неугасающая вера практически половины японцев в силу духов предков

говорит о том, что культ предков в современной Японии находится, по всей видимости, на очередной стадии своего развертывания, но отнюдь не угасания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Авдюшенкова И.В. Новые погребальные практики в современной Японии. Дзюмокусю: – «погребения под деревьями» // История и культура Японии, выпуск 11 / НИУ «ВШЭ». Санкт-Петербург: Гиперион. 2018. С. 399–404.
- Ермакова Л.М. Почитание предков в японской культуре // Синто – путь японских богов: в 2 т. – Т. I: Очерки по истории синто. Санкт-Петербург: Гиперион. 2002. С. 43–59.
- История древней Японии: Учебное пособие для вузов / Мещеряков А.Н., Грачев М.В. Москва: Наталис. 2010. 544 с.: ил. – (Восточная коллекция).
- Нихон сёки – Анналы Японии. В 2 т. / пер. и коммент. Л.М. Ермаковой и А.Н. Мещерякова. Т. 1. Свитки I–XVI. Санкт-Петербург: Гиперион. 1997. 496 с. Т. II. Свитки XVII–XXX. Санкт-Петербург.: Гиперион. 1997. 432 с. (Литературные памятники древней Японии. IV).

REFERENCES

- Avdyushenkova, I. (2018). Novye pogrebal'nye praktiki v sovremennoi Yaponii. Dzyumokuso: – “pogrebeniya pod derev'yami” [New Funerary Practices in Modern Japan. Jumokusō – «burials under the trees»]. In *Istoriya i kul'tura Yaponii* [History and Culture of Japan], Is. 11 (pp. 399–404). Saint Petersburg: Giperion. (In Russian).
- Ermakova, L. (2002). Pochitaniye predkov v yaponskoi kul'ture [Ancestor Veneration in Japanese Culture]. In *Shinto – put' yaponskih bogov* [Shinto: The Way of Japanese Gods], Vol 1 (pp. 43–59). Saint Petersburg: Giperion. (In Russian).
- Meshcheryakov, A. & Grachev, M. (2010). *Istoriya drevnei Yaponii* [History of Ancient Japan]. Moscow: Natalis. (In Russian).
- Nihon Shoki – Annaly Yaponii* [Nihon Shoki – The Annals of Japan]. (1997). Translated and commented by L. Ermakova and A. Mescheryakov. Vols. 1, 2. (In Russian).
- * * *
- Choon Sup, B. (2007). *Ancestor Worship and the Challenges it poses to the Christian Mission and Ministry*. University of Pretoria.
- Hardacre, H. (2005). Ancestors. In Lindsay Jones (ed.), *Encyclopedia of Religion*. 2nd ed. (pp. 320–325). Thomson Gale.
- Heisei 22 nen kokusei chōsa. Jinkōtō kihon shūkei kekka. Kekkai-no gaiyō* [2010 Population Census. Main Summary Results by Population. Summary of Results]. (2011). Sōmushō. (In Japanese).
- Heisei 27 nen kokusei chōsa. Jinkōtō kihon shūkei kekka. Kekkai-no gaiyō* [2015 Population Census. Main Summary Results by Population. Summary of Results]. (2011). Sōmushō. (In Japanese).
- Inoue, H. (2013). Contemporary Transformation of Japanese Death Ceremonies. In *Death and Dying in Contemporary Japan* (pp. 123–137). Routledge.
- Inoue, H. (2016). Gendai Nihon-ni okeru jumokusō-no jittai to kongo [The Present and Future of Burials Under Trees in Contemporary Japan]. *Raifudezain kenkyū*, 11, 235–247. (In Japanese).
- Morioka, K. (1984). Ancestor Worship in Contemporary Japan: Continuity and Change. *Senri Ethnological Studies*, 11, 201–213.
- Morioka, K. (1990). *Sosen sūhai to kurisutokyō* [Ancestor Worship and Christianity]. *Tōkyō shingaku daigaku*, 1, 59–79. (In Japanese).
- Nishi, Kumiko. (2009). “Shūkyōteki-na mono”-ni hikareru nihonjin [Japanese Attracted by “Religiosity”]. *Hōsō kenkyū to chōsa*, 66–81. (In Japanese).

- Shimada, H. (2022). *Sōshiki shōmetsu* [The Disappearance of Funerals]. Jī Bī. (In Japanese).
- Smith, R.J. (1974). *Ancestor Worship in Contemporary Japan*. Stanford, California: Stanford University Press.
- Suzuki, I. (2013). Beyond Ancestor Worship. Continued Relationship With Significant Others. In *Death and Dying in Contemporary Japan* (pp. 141–156). Routledge.
- The Civil Code of Japan. (1898). Translated by Ludwig Lönholm. Tokyo: Kokubunsha.
- Tokumaru, A. (2014). Senzo saishi [Rituals of Ancestor Worship]. In *Minzokugaku jiten* [Folklore Dictionary] (pp. 508–509). Maruzen shuppan. (In Japanese).

Поступила в редакцию: 21.11.2022

Принята к публикации: 28.11.2022

Received: 21 November 2022

Accepted: 28 November 2022